

Ольга Громыко

Листопад

*Часть сборника
Фэнтези – 2007*

Грань

Ольга Громыко

Листопад

«Автор»

2003

Громыко О. Н.

Листопад / О. Н. Громыко — «Автор», 2003 — (Грань)

«Пошатываясь, он брел по лесной тропинке, усыпанной желтыми шуршащими листьями. Перед глазами то темнело, то вспыхивали ослепительные круги. Полупустая котомка тянул вниз, как пудовая колодка. Меч он бросил там, на поляне... Ноги подгибались. Алые бусины срывались вниз и звездочками расплескивались по листьям. Он знал, что если упадет – уже не поднимется...»

© Громыко О. Н., 2003

© Автор, 2003

Ольга Громыко

Листопад

Пошатываясь, он брел по лесной тропинке, усыпанной желтыми шуршащими листьями. Перед глазами то темнело, то вспыхивали ослепительные круги. Полупустая котомка тянул вниз, как пудовая колодка. Меч он бросил там, на поляне...

Ноги подгибались. Алые бусины срывались вниз и звездочками расплескивались по листьям.

Он знал, что если упадет – уже не поднимется.

Знал, и только потому – не падал.

Идти. Идти из последних сил. Потому что ох как обидно умирать в десяти шагах от дома... Либо – в бою, либо – в своей берлоге, но не тут, не под порогом, чтобы слетевшиеся вороны не расклевали заживо твои стекленеющие глаза, не разбирая, кто друг, а кто – враг.

Он нашарил щеколду свободной рукой, бестолково подергал, уже мало что различая и соображая. Всхлипнув от обиды, тяжело навалился на дверь. По дубовым доскам наперегонки побежали два красных ручейка. У самого порога их нагнал третий.

За дверью тихо, вопросительно мяукнула кошка.

Щеколда лязгнула и поднялась. Он ввалился в сени вместе с открывшейся дверью, упал на пол, сильно ударившись виском. Правая рука разжалась и соскользнула с пропоротого бока. Из-под тела медленно и вязко поползла во все стороны темная кровяная лужа.

Кошка заметалась под закрытой дверью, с истошным мяуканьем скребя когтями в щели.

Он вздрогнул и открыл глаза. До внутренней двери оставался один шаг.

Только не здесь... Только не так...

Скрипя зубами, он пополз, цепляясь скрюченными пальцами за утопанный земляной пол и волоча бесполезные уже ноги. Дрожащая рука потянулась к запору, оставляя на досках широкую алую полосу.

Последним отчаянным усилием он откинул железный крюк. Из горницы, беспокойно посверкивая желтыми глазами, выскочила угольно-черная кошка. Мяукнув, она вспрыгнула умирающему на плечо, оттуда, ощутимо впиваясь когтями, перебралась на бок и там легла, прищурившись и замурлыкивая рану.

Сначала он подергивался и поскуливал, как перешибленная кочергой крыса, потом боль отступила, растворившись в кошачьем ворковании, он блаженно вздохнул, прикрыл глаза и затих, обмякнув всем телом.

* * *

Разбудила его мышьяная возня в подполе. Солнце, которое он запомнил высоко в небе, уже садилось, подмазывая багрянцем налетевшие в сени листья.

Страхнув пригревшуюся кошку, он сел, ощущая холод и разбитость во всем теле.

– Ты что же это, подруга? – спросил он, обращаясь к кошке. – Брезгуешь мышей ловить – так хоть бы припугнула.

Кошка виновато мяукнула и вспрыгнула к нему на колени. Он снова отстранил ее, чтобы стащить через голову разорванную, залитую кровью рубашку. Кровь натекла и в штаны, запекшись в паху и по бедрам.

Он придирчиво осмотрел бок, но белесая нитка шрама ничем не отличалась от десятка предыдущих. Черная кошка умывалась, посматривая на хозяина из-за поднятой лапки. По сених гулял ветер, забавляясь открытыми дверьми.

Притворив наружную дверь, он пропустил кошку в горницу и вошел сам, бросив на лавку испорченную рубашку. Выволок из угла широкую бадью, поставил рядом ведро с нагревшейся за день водой и начал поливать себя из кружки, фыркая и отплеываясь. Сначала вымылся до пояса, потом голышом встал в бадью и опрокинул над головой ведро с остатками воды.

«Завтра баню истоплю» – решил он и, нахмурившись, посмотрел на темно-красную воду. Надо бы выплеснуть ее в укромном месте да зашептать покрепче, чтоб никакой лиходей не сумел навести порчу. Он ухмыльнулся своим мыслям. Лиходей... Ему ли бояться? Но осторожность в таком деле лишней не бывает.

Вытершись дырявым полотенцем, он переоделся в чистое. Сходил к колодцу, принес воды и застирал над бадьей окровавленную одежду, а пятна окурил орешниковым дымом и наглухо опечатав наговором. Развесил на протянутой под потолком веревке, отступил на шаг и досадливо покачал головой. Стирать, несмотря на бесчисленные годы одинокой жизни, он так и не научился. Штаны, пожалуй, еще могли послужить, а вот светлой льняной рубахе, похоже, пришел конец.

Философски пожав плечами, он вытащил из печи простой глиняный горшок с мясными щами, наваренными с вечера. Отнес на стол. Вынул из пустого ларя припрятанную ложку. Стоило забыть ложку на столе, и она исчезала без возврата. Зачем и куда Дарриша сносила ложки, оставалось для него тайной. У каждой кошки, как и у женщины, свои причуды.

Кошка вскочила на подоконник, повертелась и села, свесив длинный хвост. Ее вниманием, казалось, всецело завладел вертлявый поползень, перепархивающий по облетевшему барбарисовому кусту с гроздьями мелких продолговатых ягод.

Есть ему не совсем не хотелось, но поесть надо было обязательно.

– Дарриша... – тихо позвал он.

Кошка тут же обернулась и вопросительно мяукнула. Он кинул в стоящую у печи миску маленький кусочек мяса. Кошка долго вертелась на подоконнике, примеряясь к прыжку. Легонькая и поджарая, она, тем не менее, двигалась неуклюже, излишне осторожничала, а во сне частенько падала со своего любимого места на заваленной тряпьем полке. Куда ей догнать шустрюю мышь! Да и трусиха Дарриша несусветная, от всего незнакомого на всякий случай хоронится под хозяйской кроватью. Дарриша. Он мысленно проговорил это слово, щекотнув нёбо кончиком языка.

Кошка, наконец, прыгнула и побежала к миске. Он отвел взгляд, придвинул горшок поближе и отломил кусок початого каравая.

В дверь постучали.

Он никогда не приглашал войти. Они всегда входили сами, вздрагивая от неожиданности при виде молчаливо глядящего на них хозяина.

Вот и она – остолбенела.

Он неторопливо продолжал есть, украдкой разглядывая тонкий девичий стан, подчеркнутый длинным перепоясанным платьем. Петушки, красной нитью вышитые на подоле, сошлись в нешуточном поединке.

Она смотрела на него, на кусок мяса в горшке, на заполненную кровяной водой бадью, и не могла вымолвить ни слова. Он запоздало отметил, что девушка очень хороша собой. Толстая пшеничная коса свисает до самых петушков, поперек высокого лба – лубяной веночек-косица с височными кольцами, унизанными крупными бусинами. Надломанные стрелочки бровей как угольком подведены, но именно что «как». Глаза бездоннее омота, синее василька, наивнее ребенка. Дуреха. Небось думала погадать на парня, не ожидала, с каким чудищем придется иметь дело. Сейчас развернется и уйдет, а то и вылетит с визгом, а потом сестрицам-подружкам взахлеб расскажет, как он за ней гнался три версты и только у векового дуба на распутье поотстал...

Он недооценил ее.

– Будь здоров, ведьмарь! – Девушка церемонно поклонилась ему в пояс, коснувшись рукой пола.

– Что тебе надо от меня, девка? – равнодушно спросил он. – Сегодня я не гадаю.

– Я пришла не гадать. – Звонкий голосок дрожал, но, похоже, решимости ей было не занимать.

– Хочешь есть? – больше ради забавы предложил он.

Она отрицательно, торопливо замотала головой, украдкой делая очищающий знак скрещенными пальцами. Вернее, ей казалось, что украдкой.

Он пожал плечами.

– Как тебя зовут?

– Леся. – Она ответила и тут же испуганно ойкнула, широко распахнув глаза, и зажала ладошками рот. Ну точно, дуреха. Верит, что он сглазит ее по одному имени. Да тут таких Лесей пруд пруди. Каждая вторая – Леся, Любава или Милена.

– Вот что, Леся, я очень устал и у меня нет времени на глупые шутки и пустые разговоры. Тем паче нет его на твои страхи и забавы. Говори, по какому делу пришла – и уходи.

Девушка вспыхнула до корней волос. Ишь ты, обидчивая. Только что стояла, тряслась-божжалась, а сейчас, того и гляди, глаза выцарапает.

Кошка вспрыгнула к нему на колени, и он машинально запустил пальцы в шелковистую, невесомую шерсть. Дарриша мурлыкала редко. Только по делу – и для дела. Вот и сейчас: умостила поудобнее, прищурила желтые глаза и изготовилась слушать гостью, не забывая благодарить хозяина за ласку едва ощутимым перебором мягких лапок.

– Порча на мне... – сдавленно прошептала девушка, решившись.

– Что? – переспросил он, не столько недослышав, сколько желая узнать поподробнее.

– Меня сглазили, – погромче повторила она, теребя пальцами пушистый кончик косы.

– Кто?

– Не знаю... – Девушка непритворно расплакалась, уткнувшись лицом в ладони.

– Будешь реветь – превращу в корову, – пообещал он, насмешничая.

– Ба-а-атюшка-а-а ведма-а-арь...

Он понял, что тут увещевания бесполезны, и дал ей выплакаться всласть, безо всякого аппетита зачерпывая ложкой щи.

– И в чем же она проявляется? – выждав положенное время, спросил он.

Леся совсем по-детски шмыгнула покрасневшим носом, и ответила:

– Все из рук валится, ни в каком деле удачи нет...

– Ну, дорогая моя! – Он едва удержался, чтобы не расхохотаться. – Нашла порчу... мало ли у кого руки растяпистые, я и сам давеча горшок расколотил...

Она забавно хихикнула, прикрыв рот ладошкой, и тут же снова взгрустнула.

– Да я и раньше горшки-ложки роняла, и беды в том большой не видела. А как стали пшеничку жать – ан на поле залом и обнаружился.

Он весь обратился в слух.

– И что после того изменилось?

– Да почитай, все! Спать стала плохо, сны дурные видятся, все мнится – ходит за мной кто-то, а как встану – шагов не слышно, только собаки брешут, мне за спину глядя.

– Не годится. – Он отрицательно мотнул головой. – Эти напасти ты сама себе надумала. Чем убедишь, что и вправду сглаз взялся?

Девушка насупилась, разобиженная его неверием в явственные происки нечистой силы.

– Давеча, к примеру, борща на три дня наварила, дала сколько-то на припечке остыть, прежде чем в погреб нести, а он за это время возьми да скисни.

– Сколько – это сколько? – уточнил он.

Она беззвучно пошевелила губами, загибая пальцы.

– Да недолго, один только пук кудели спрясти и успела.
– Так. Еще что?
– Вчера жаба в избе сыскалась.
– Ну и что?
– Как – что? – неподдельно удивилась она. – Примета дурная! Значит, помрет кто-то вскорости...

– Пороги у вас высокие?
– Высокие, обычной жабе нипочем не влезть.
– А эта что, необычная?
– Ее Мажанна наслала.... – с благоговейным ужасом прошептала девушка, повторяя отвращающий зло знак.

Он едва удержался от ехидного вопроса, предъявляла ли грозная посланница подорожную с печатью самой богини смерти.

– Дальше.
– Козел заболел. – Она с надеждой заглянула к нему в глаза – велик ли, достаточен список знамений?

– Козел... – Он вздохнул и внезапно понял, что ему нет совершенно никакого дела ни до козла, ни до глупой девки. На которой, между прочим, не было никакой порчи – по крайней мере, на ней самой, иначе он бы увидел сразу. Все связные мысли размывал липкий, приторный туман равнодушия, приходящего вместе с дурнотой. Кошка снова мурлыкала, а это означало, что ему и в самом деле худо.

– А можно ее снять? Порчу-то? – с надеждой спросила она.

Он подумал, что сейчас его стошнит. Прямо в горшок с недоеденными щами. Желудок не принимал пищи, застуженный холодным дыханием прошедшей стороной смерти. Только бы эта дуреха не догадалась, до чего ему худо...

– Завтра придешь, – с трудом выговорил он, пытаясь унять подкатывающие к горлу спазмы. – Да, вот еще – прихвати мою рубашку, отстирай и зашей. Тогда и говорить будем.

– Но... – самым что ни есть разнесчастным голосом начала она, косясь на выпачканную кровью тряпку.

– Завтра, – отрезал он, и дверь распахнулась сама собой, призывая гостью покинуть неприветливый дом.

Перечить ведьмарю она не посмела.

И уже не увидела, как его вырвало-таки над бадьей, к которой он метнулся сразу после ее ухода.

* * *

Утром Леся пришла снова. Принесла безупречно выстиранную, отглаженную и зашитую рубаху, с поклоном положила ее на лавку и отступила к дверям. Наивная дуреха. Если он и впрямь задумал что недоброе – достанет и за версту. Но зачем?

Пряча глаза, девушка жалобным голоском попросила:

– Только тетке не говорите. Она меня вусмерть заругает, если узнает, что я к вашей одежде прикасалась.

– Делать мне больше нечего, – проворчал он, натягивая рубаху. Вот привязалась, малахольная. Теперь уж и отнекиваться неловко, придется идти к ней домой, искать порчу. Кошка вертелась под ногами, требовательно мяуча, но кормить ее было нечем – мясо они вчера доели, а молоком Дарриша, не в пример деревенским Муркам, брезговала. Не забыть купить рыбы у мальчишек, наказал он себе. Селянские ребята частенько тянули бредень по узкой речушке, охотно уступая улов за монетку-другую. Черная кошка ведьмара была притчей во языцах,

пожалуй, даже большей, чем он сам. Ходили слухи, что он покупает для нее парное мясо. Висельников, разумеется. А даже и говядину – где это слыхано, переводить мясо на кошку, когда малолетки, бывает, мрут от голода в особенно суровые зимы!

Она терпеливо ждала, пока он оденется. Украдкой разглядывала его, он чуял затылком. Селяне считали, что густые усы и окладистая борода защищают их от сглаза, а кроме того, означают ум, жизненную силу и достаток. Интересно, что думала девушка о его двухдневной щетине, светлой, но все равно заметной? Да и волосы он стриг коротко, до плеч, чтобы не мешали. Впрочем, некоторые женщины считали его привлекательным. А может, просто любопытно было, каково оно – с неклюдом. Они использовали его, он использовал их, а потом обычно жалел и, сколько мог, избегал повторения.

Леся не из таких. Скорее наложит на себя руки, чем прикоснется к ведьмарю.

– И кто ж тебе моей подмоги просить советовал? Подружки или родители? – спросил он.

– Нет у меня подружек, – вздохнула она. – Я глупенькая, им со мной неинтересно. И родителей давно нету. Сирота я, у родичей живу. Сама идти надумала.

Девушка присела на корточки и осторожно погладила кошку по спине, мигом приметив блески седины в густой кошачьей шерсти. Кошка была совсем старенькая, страх как костлявая, навряд ли перезимует, – с жалостью подумала девушка. Старики баяли, что ведьмарь жил в лесу с незапамятных времен – еще Лесина прабабка бегала к нему гадать, – и всегда вокруг него крутилась черная кошка. Эта же или другая? Ведьмарь-то, похоже, нисколько не стареет, а кошка совсем плоха. И котеночка на смену не видать...

Он смотрел на них, не веря своим глазам. Дарриша никогда не приближалась к чужим людям. Особенно к женщинам. Ревновала. Правда, с возрастом все реже и реже. Наверное, считала ведьмаря кем-то вроде своего последнего и оттого самого любимого котенка, давно переросшего мать, но все такого же непутевого.

И мало кто осмеливался приласкать черную кошку. В деревне таких отродясь не держали – только пестрых да полосатых. Черных кутят сразу топили, веря, что это земное обличье нечистых духов.

Прихватив котомку, он вышел из избы. Кошка выскочила следом, помялась на холодной земле и шмыгнула обратно. Села за порогом и серьезно смотрела, как он закрывает дверь – провожала.

Леся метнулась было к знакомой тропинке, но он, не обращая на девушку внимания, пошел совсем в другую сторону. Когда она, растерянная, нагнала его и засопела в спину, не решаясь подать голос, сказал, не оборачиваясь:

– Сначала я должен забрать свой меч. Возвращайся домой и жди меня там... А хочешь – пойдем вместе, это недалеко.

Он думал – отшатнется, испуганно затрясет головой, но Леся только жалобно посмотрела на него своими синими глазищами и покорно поплелась следом.

Он шел и молча злился – на себя, что пригласил, на нее, что пошла. Нечего ей там делать. Не на что смотреть. И чего увязалась? Кто ее так напугал, что предпочла тетке и подружкам общество звероватого ведьмаря?

Девушка, осмелев, крутила головой по сторонам, любуясь осенним лесом, он же неотрывно глядел под ноги. Кровь на листьях успела высохнуть, потемнеть, но он терпеливо нагибался, подбирал запятнанные, где только замечал, и складывал в котомку, чтобы потом сжечь.

А в лесу было хорошо. Стоял один из тех теплых осенних деньков, наполняющих душу тихим бесхитростным счастьем и благоговением перед величавой красотой природы, вдвойне чарующей своей мимолетностью – неделя, другая, и нет ее в помине. Над головами кружили в солнечных лучах опадающие листья, один за другим вплетаясь в ковер под ногами. Леся, повеселев, то и дело наклонялась, подхватывая то желтое сердечко липы, то красную ладошку

клена. Ворох осенних листьев, один краше другого, уже не умещался у нее в руках. Она даже засмеялась – серебристый колокольчик, разгоняющий злых духов, но тут же оборвала смех, боязливо глянула на него. Дуреха. Он отвернулся, чтобы не смущать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.